

Shafranskaja Je.F., Keshfidinov Sh.R. (b) Forget-me-not a symbol of «straightening grief» [Nezabudka – simbol «vyprjamlenija gorja»]. «Language of flowers» and flowers in language, literature and culture: A collective monograph. Moscow: IKD «Zercalo-M», 2024. pp. 458–465 (in Russian).

Shul'zhenko V.I. «Caucasian text» of Russian literature: the boundaries of description and paradoxes of perception [«Kavkazskij tekst» russkoj literatury: granicy opisanija i paradoksy vosprijatija]. *Bulletin of DSPU. Social and humanitarian sciences*, 2017. No 1, pp. 104–108 (in Russian).

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 193 p. (in English).

О.А. Новикова

Смоленский государственный университет  
Смоленск, Россия

УДК 821.161

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-19-31

## РОМАН «НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В БЕЛЫХ ЛЕБЕДЕЙ» БОРИСА ВАСИЛЬЕВА В КОНТЕКСТЕ «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ»

Ключевые слова: Б.Л. Васильев; «Не стреляйте в белых лебедей»; «деревенская проза»; типологические связи; В. Шукиин; В. Астафьев; В. Распутин.

Предметом исследования в статье стали типологические связи романа Б.Л. Васильева «Не стреляйте в белых лебедей» (1973), занимающего особое место в творческом наследии писателя, с русской «деревенской прозой» 1960–1980-х годов. По мнению автора статьи, Б. Васильев написал роман, попав под очарование «уникального» явления отечественной литературы второй половины XX века. В романе можно выделить основные черты «деревенской прозы»: следование русской реалистической традиции; «новое» содержание («дефицит духовности», неопочвенническая и экологическая проблематика); ведущий мотив прощания с патриархальным укладом жизни; характерный герой (Егор Полушкин Б. Васильева необычайно близок героям-«чудикам» В.М. Шукиина, а также может быть соотнесен с героиней-праведницей рассказа А. Солженицына «Матренин двор»); наличие определенных образов-символов (Белые лебеди могут быть поставлены в ряд известных мифопоэтических образов: «реки жизни» Енисея у В. Астафьева, Царского лиственя В. Распутина, Калины красной В. Шукиина и др.). Учитывая дату выхода произведения «Не стреляйте в белых лебедей», автор статьи полагает, что здесь может идти речь и об обратном влиянии Б. Васильева на писателей-деревенщиков (Шукиина, Астафьева, Распутина), чьи знаковые произведения «До третьих петухов», «Царь-рыба», «Пожар» появились позже и имеют явные отсылки к означенному произведению Б. Васильева.

По прошествии пятидесяти лет с момента выхода романа «Не стреляйте в белых лебедей» стало очевидным, что данное произведение занимает «особое» место в творческом наследии Бориса Васильева. Именно так оно позиционируется в аннотациях при переиздании в настоящее время [Васильев, 2018; 2019]. Один из первых критиков романа И. Дедков отмечал его некую инородность на фоне ранее написанного автором: «сочинен он каким-то другим человеком» [Дедков, 1973, 47]. Однако до сих пор вопрос о месте произведения в творчестве Б.Л. Васильева и в русской литературе последней трети XX века в целом не становился предметом изучения. Наше исследование построено на гипотезе о том, что признанная «исключительность» произведения «Не стреляйте в белых лебедей» объясняется тем, что при создании романа Б. Васильев находился под очарованием «деревенской прозы», а после опубликования уже роман в свою очередь оказал воздействие на дальнейшее развитие неопочвеннического направления в литературе 1970–1980-х годов.

Роман «Не стреляйте в белых лебедей» был впервые напечатан в 6–7-м номерах за 1973 год молодежного журнала «Юность». Последующие издания «благодаря редакторской правке» [Карньюшин, Медведева, 2013, 13] выходили под названием «Не стреляйте белых лебедей». Роман появился в журнале, не относящемся к лагерю консерваторов и почвенников: «Юность» была учреждена «высочайшим повелением в пику “Молодой гвардии”» [Викулов, 1996, 6]. Однако одна из первых рецензий на роман принадлежала Игорю Дедкову – критику, имя которого в 1960-х годах было прочно связано с демократичным «Новым миром» А.Т. Твардовского, пестовавшего «деревенскую прозу». Критик строго судит произведение Б. Васильева, но, несмотря на развенчание героя, прозорливо подмечает немало тонких деталей, которые впоследствии возьмут на заметку другие рецензенты, обернув при этом минусы в плюсы. (Не исключено, что в данном случае И. Дедков использует «эзопов язык» и другие приемы новомирской критики, когда написанное следовало читать наоборот).

В. Кардин, сравнивая роман «Не стреляйте в белых лебедей» со знаменитой повестью «А зори здесь тихие...», отдавал предпочтение последней. Он полагал, что попытка писателя «“пересадить” сказочную старину в сегодняшний день» оказалась неудачна, заподозрив автора в зависимости от «книжных опосредований, литературно-беллетристических поветрий и завихрений» [Кардин, 1994, 268]. Рецензент не называет литературные ориентиры, которым следовал Б. Васильев при создании романа. Однако использованные им характеристики наводили читателя на мысль о вторичности написанного. Но выдержавшее испытание временем новаторское произведение писателя-фронтовика выявило тенденциозность приведенных суждений критика. По нашему мнению, речь может идти о воздействии на Б. Васильева такого «уникального явления», как «деревенская проза», «во

многим определившего пути развития русской литературы во второй половине XX века» [Большакова, 2002, 3]. В результате появилось выдающееся произведение «Не стреляйте в белых лебедей», в полной мере соответствующее почвенническим канонам.

Цель нашей работы – обнаружить типологические схождения романа «Не стреляйте в белых лебедей» с деревенской (неопочвеннической) прозой. Рассмотрим их.

**Приверженность русской реалистической традиции.** Писатели-деревенщики открыто декларировали близость своего творчества культуре русской классики с ее глубоким содержанием, народностью, психологизмом и выразительностью слова. Они возрождали и углубляли традиции сказовой речи, чтобы ярче раскрыть образ человека «из народа». Ю. Селезнев назвал представителей деревенской прозы «традиционалистами», А. Солженицын – «нравственниками». Эти определения в полной мере могут быть отнесены и к Б. Васильеву. Анализируя роман «Глухомань» (2001), Е. Лесин заметил: «Васильев не изменил своей манере, пишет, как писал и раньше, как писали Леонов и Шукшин, но на другой скорости» [Лесин, 2001, 5].

**Новое содержание.** Принято считать, что второе поколение деревенщиков (В. Распутин, В. Шукшин, В. Белов, В. Астафьев и др.) на рубеже 1960–1970-х годов первым заговорило о *дефиците духовности* в советском обществе. Оно же начало активно искать пути его преодоления, обратившись к своим корням, патриархальному деревенскому миру – неиссякаемому кладезю истинно нравственных заветов. В книгах почвенников явственно передано чувство распутия, переживаемого обществом. Не идеализация народа, «не умиление», а «тревога за его духовное здоровье пронизывает книги мастеров “деревенской прозы”» [Лейдерман, 2003, 80].

Означенная тревога присуща автору и герою романа Б. Васильева – Егору Полушкину. Выступая с трибуны на Всесоюзном совещании работников лесного хозяйства, он напоминает присутствующим: «Мы с вами при добром деле состоим, а доброе дело радости просит, а не угрюмства. Злоба злобу плодит, это мы часто вспоминаем, а вот что от добра добро родится, это не очень. А ведь это и есть главное!» [Васильев, 1994, 138]. Одно из ключевых понятий почвенничества «мать сыра земля» также звучит из уст центрального персонажа: «Страдает человек. Сильно страдает, мил дружки вы мои хорошие. А почему? Потому сиротиночки мы: с землей-матушкой в разладе, с лесом-батюшкой в ссоре, с речкой-сестричкой в разлуке горькой. И стоять не на чем, и прислониться не к чему, и освежиться нечем» [Васильев, 1994, 35].

Также для неопочвенников характерна острая постановка *экологических проблем*. У них в полной мере проявляется родственное внимание к «матери-природе», боль за ее беды. В середине 60-х годов сначала в публицистике на всю страну прозвучало честное слово писателей: С. Залыгина (выступление в защиту Западно-Сибирской низменности от затопления под

Нижне-Обскую гидростанцию, 1963); Г. Троепольского («О реках, почвах и прочем», 1965; «Сколько воды человеку нужно?», 1966; «Об осушении и “осушении”», 1966); В. Астафьева («На Каме-реке», 1969). А в 1976 году выходят, пожалуй, самые знаменитые и уже художественные экологические произведения деревенщиков: повести «Царь-рыба» В. Астафьева и «Прощание с Матерой» В. Распутина.

В романе Б. Васильева герой является самым яростным защитником природы. Егор Полушкин наделен способностью видеть и чувствовать красоту мира, однако он не просто созерцатель-эстет, ему «хочется зачерпнуть ладонями эту нетронутую красоту и бережно, не замутив и не расплескав, принести ее людям» [Васильев, 1994, 102]. Главная цель Егора – поделиться с окружающими первозданными ценностями и сделать все возможное, чтобы сохранить их для будущих поколений. Этой установкой ежедневных малых добрых дел он руководствуется, с радостью перевыполняя должностные обязанности лесника: «упоенно чистил лес, прорубал заросшие просеки, стаскивал в кучи валежник и сухостой» [Васильев, 1994, 116]; меняет маршрут прокладки труб, чтобы спасти муравейник, и отказывается от прибыльного заработка – сбора лыка, несущего угрозу липовым деревьям.

«Все мы в одном доме живем, да не все хозяева» [Васильев, 1994, 138], – заявляет с высокой трибуны Полушкин. Он отвергает сложившиеся двойные стандарты в отношении природы, когда повсеместно и громогласно утверждается, что она «дом родной», а «с другой стороны имеем <...> покорение природы», которое оборачивается ее гибелью: «Она молчком умирает, долголетно» [Васильев, 1994, 138]. Герой отказывается видеть в человеке царя природы, он призывает для всеобщего блага подчиниться ей: «Не царь, вредно это – царем-то зваться. Сын он ее, старший сыночек. Так разумным же будь, не вгоняй в гроб маменьку» [Васильев, 1994, 138].

**Ведущие мотивы «деревенской прозы».** Среди таких мотивов выделим *мотив прощания с патриархальным укладом жизни* (наиболее полно проявился в повести «Прощание с Матерой» В. Распутина). Егор Полушкин – человек пришлый в поселке. До переезда он вместе с семьей жил в деревне, работая в колхозе «если не в достатке, так в уважении»; но «с гнезда этого в одночасье вспорхнули <...> Затмение нашло» [Васильев, 1994, 8]. И. Дедков справедливо замечает: «Все беды Егора, вся драма его – от того лесного поселка. Этот поселок – дьявольское место. Он населен грубыми и жестокими людьми. Лиц мы не видим, это темная множественность, она улюлюкает, издевается и стяжает. Тут даже дети испорчены, и светел средь них лишь Колька Полушкин» [Дедков, 1973, 47].

Примечательно, что намеченные в произведении Васильева яркими мазками отдельные образы (туристов, например) получают более детальное описание у В. Астафьева в «Царь-рыбе» (туристы, браконьеры) и в «Проща-

нии с Матерой» В. Распутина (пожогщики) в 1976 году. А в повести В. Распутина «Пожар» (1985) будет выведен поселок Сосновка, построенный лес-промхозом, в котором люди деградируют, превращаясь в архаровцев. Не стесненные полушкинской совестливостью, а движимые алчностью, они занимаются вырубкой леса – несправедливым трудом, работой, не требующей души. Водитель Иван Петрович *Егоров*, отстаивающий истинные ценности, едва избежал расправы архаровцев. (Обратим внимание на образованную от знакового имени фамилию героя, о чем пойдет речь далее).

**Образ героя.** Открытием «деревенской прозы» стали оригинальные характеры сельских жителей, явленные классиками русской литературы XX века: Ивана Африкановича из повести В. Белова «Привычное дело», Егора Прокудина из киноповести «Калина красная» В. Шукшина, семьи Пряслиных из книги Ф. Абрамова «Братья и сестры», так называемых «распутинских старух» – Анны в «Последнем сроке», Дарьи в «Прощании с Матерой» и др.

Отдельная категория персонажей – бунтари / юродивые. Отстаивая законы справедливости для всех, они неизбежно сталкиваются с бюрократической системой. Совежливые герои-бессребреники нередко ценою собственной жизни утверждают незыблемые принципы, борясь со злом в том или ином обличье, отвергая мещанство и жажду наживы. Таковы Федор Кузькин из повести «Живой» Б. Можая, Настя Сыроегина из повести В. Тендрякова «Поденка – век короткий», знаменитые чудики В. Шукшина.

Лучшие из деревенских жителей становились носителями эстетического идеала, нравственных ценностей. Такое представление об идеале было внове для литературы насаждаемых соцреалистических канонов. «“Простой советский человек” потерял эпитет “советский”, его образ стал определяться не идеологией, а бытийственными координатами – землей, природой, семейными заботами, устоями деревенского уклада» [Лейдерман, 2003, 81].

Егор Полушкин ближе всего стоит к шукшинскому герою. Расцвет творчества писателя приходится на конец 1960 – начало 1970-х годов. Вышедшие рассказы продемонстрировали всю мощь и оригинальное дарование В.М. Шукшина. Писатель представил необычных персонажей, выламывающихся из предписанных норм поведения. Он давал им разные определения: «чудики», «странные люди», «шизики», «бесконвойные». Герои противостояли официозу, выходили за рамки усредненного жителя. «Нравственно-психологический облик чудика складывается из ряда параметров, важнейшим из которых выступает экстравагантность поступка» [Новожеева, 2013, 221]. К таким поступкам персонажей-селян можно отнести изобретение «вечного двигателя», покупку микроскопа, салютование из ружья и т.д. Эпизод, когда Полушкин разрисовывает лодки, воспринимается как аллюзия на сцену из рассказа «Чудик».

Таблица 1

**Сравнение эпизодов рассказа В. Шукшина «Чудик»  
и романа Б. Васильева «Не стреляйте в белых лебедях»**

| Василий Шукшин «Чудик» (1967)                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                       | Борис Васильев «Не стреляйте в белых лебедях» (1973)                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                   |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| «По верху колясочки Чудик пустил журавликов – стайку уголкою, по низу – цветочки разные, травку-муравку, пару петушков, цыпляток... Осмотрел коляску со всех сторон – загляденье. Не колясочка, а игрушка. Представил, как будет приятно изумлена сноха, усмехнулся.<br>– А ты говоришь – деревня. Чудачка. – Он хотел мира со снохой. – Ребенок-то как в корзиночке будет» [Шукшин, 1998а, 1, 436] | «Вместо казенных черных номеров на небесной сини лодок были ярко намалеваны птицы, цветы и звери: гусенок, щенок, георгин, цыпленок. Егор выписал их броско, мало заботясь о реализме, но передав в каждом рисунке безошибочную точность деталей: у щенка – вислые уши и лапа; у георгина – упругость стебля, согнутого тяжелым цветком; у гусенка – веселый разинутый клюв.<br>– Вот и радостно всем станет, – живо продолжал Егор. – Я – на цыпленке, а ты, скажем, на поросятке. Ну-ка, догоняй! Соревнование» [Васильев, 1994, 26] |

Шукшинского героя-чудика зовут Василием *Егорычем* Князевым. Так назвал его «писатель не случайно», ибо «Имя Егорий, Георгий означает возделыватель земли, ее хранитель и защитник, а также победоносец» [Новожеева, 2013, 220]. В связи с этим нельзя не вспомнить о *Егоре* Прокудине, самом знаменитом герое Шукшина («Калина красная»). Киноповесть о тезке Егора Полушкина появилась в журнале «Наш современник» в № 4 за 1973 год (то есть за два месяца до начала публикации романа Б. Васильева в «Юности»; а в 1979 году, уже после смерти Шукшина, писатель выпустит рассказ «Великолепная шестерка», герой которого Петр Дементьевич *Прокудов* умирает в конце).

С точки зрения обывателя, Полушкин действительно совершает чудачества: оказавшись в Москве, целый день проводит в зоопарке, вместо того чтобы ходить по «ГУМам и ЦУМам»; вместо заказанных покупок везет из Москвы две пары лебедей – одержимостью идеей превратить Черное озеро в прежнее Лебяжье он опять же напоминает так называемых «забуксовавших» на какой-то одной мысли персонажей Шукшина: Моню Квасова, помешанного на создании «вечного двигателя» («Упорный»), Андрея Ерина, сутками просиживающего в наблюдении за микробами («Микроскоп»); Броньку Пупкова, повторяющего сотню раз выдуманную историю о покушении на фюрера («Миль пардон, мадам!») и др. Однако васьильевский герой – истинный художник, которому, как уже было отмечено, хочется поделиться с окружающими нетронутой природной красотой. Мастер золотые руки, он не только умеет увидеть и оценить прекрасное, но и создает его: из погубленной липы вытесывает скульптуру – тонкую фигуру женщины, поправляющей волосы; выстрегивает из дерева петуха, который на крыше

смотрится как живой, став главной достопримечательностью поселка, «чудом местного народного умельца» [Васильев, 1994, 6].

Шукшинские чудики – бессребреники. В отличие от их истеричных жен и тещ, сосредоточенных преимущественно на материальной стороне жизни («Микроскоп», «Жена мужа в Париж провожала», «Мой зять украл машину дров» и др.). Такую же картину мы наблюдаем и у Б. Васильева. «Нелюдь заморская заклятье мое сиротское господи спаси и помилуй бедоносец чертов!» [Васильев, 1994, 5–6], – вопит жена Егора Харитина; она на протяжении всего романа «кормильца своего критикует». Полушкин совершенно далек от стяжательства: считай, бесплатно строит дом для семьи свояка, ремонтирует жилище учительницы, в убыток себе продает мясо на базаре и пр. «Из-за бумажек этих да чтоб печаловаться? Жизни красоту ими измерять? Слезы утирать? Да спалить их всенародно в жгучем пламени! Спалить и на пепле вприсядку плясать! Хоровод вокруг пламени этого! Чтоб застывшие согрелись, чтоб ослепшие прозрелись! Чтоб ни бедных, ни богатых, ни долгов, ни одолжений!» [Васильев, 1994, 53], – громогласно заявляет Полушкин.

Герой открыт душою и бесхитроsten, чем нередко пользуются окружающие. Таковы, например, туристы, приезжающие поохотиться и порыбачить на лесном озере. Желая развеселить гостей, Егор пляшет перед ними, не осознавая унижения. Этот эпизод побуждает вспомнить сцены из итогового произведения Шукшина «До третьих петухов», в котором героя – Ивана-дурака бесовская нечисть (Баба-Яга, ее дочь, Змей Горыныч и черти) вынуждает плясать.

Таблица 2

**Сравнение эпизодов рассказа В. Шукшина «До третьих петухов» и романа Б. Васильева «Не стреляйте в белых лебедей»**

| Борис Васильев «Не стреляйте в белых лебедей» (1973)                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                  | Василий Шукшин «До третьих петухов» (1975)                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                          |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <p>1. «– Ты лучше спляши нам для веселья-то. Ну?.. Ай, люли, ай, люли! “Светит месяц, светит ясный...”</p> <p>– Не надо! – крикнула было рыжая. – Он же на ногах не стоит, что вы!</p> <p>– Кто не стоит? Егор не стоит? Да Егор у нас – молоток!</p> <p>– Давай, Егорушка! Ты нас уважаешь?</p> <p>– Уважаю, хорошие вы мои!</p> <p>– Не надо, тятка!</p> <p>– Надо, Колюшка. Уважить надо. И – радостно. Всем – радостно! А что мурашей вы пожгли, то бог с вами. Бог с вами, мил дружки мои хорошие!</p> <p>Захлопал плешивый:</p> | <p>1. «Иван постоял в тягостном раздумье... Поднял руку и печально возгласил: – “Сени”!</p> <p>– Три, четыре, – сказала голова. – Пошли. Баба-Яга и дочь запели:</p> <p>Ох, вы сени, мои сени,<br/>Сени новые мои...</p> <p>Они пели и прихлопывали в ладоши. Сени новые-преновые Решетчатые...</p> <p>Иван двинулся по кругу, пристукивая лапоточками... А руки его висели вдоль тела: он не подбоченился, не вскинул голову, не смотрел соколом.</p> <p>– А почему соколом не смотришь? – спросила голова.</p> <p>– Я смотрю, – ответил Иван.</p> |

|                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                       |                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                              |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <p>– “Калинка, калинка, калинка моя, в саду ягодка малинка, малинка моя!..” Шевелись, Егор!</p> <p>Пели, в ладоши хлопали: только сынок да рыжая смотрели сердито, но Егор их сейчас не видел. Он видел неуловимые, расплывающиеся лица, и ему казалось, что лица эти расплываются в счастливых улыбках.</p> <p>– Эх, мил дружки вы мои хорошие! Да чтоб я вас не уважил?..</p> <p>Три раза вставал – и падал. Падал, хохотал до слез, веселился, и все хохотали и веселились. &lt;...&gt;</p> <p>Кривлялся Егор, падал – и хохотал. От всей души хохотал, от всего сердца: весело ему было, очень даже весело.</p> <p>– Ай, люли, ай, люли! Два притопа, три прихлопа!..</p> <p>– Не надо!.. – закричал, затрясся вдруг Колька, вырвавшись из рук рыжей. – Перестань, тятка, перестань!» [Васильев, 1994, 36–37]</p> | <p>– Ты в пол смотришь.</p> <p>– Сокол же может задуматься?</p> <p>– О чем?</p> <p>– Как дальше жить... Как соколят вырастить. Пожалей ты меня, Горыныч, – взмолился Иван. – Ну сколько уж? Хватит...» [Шукшин, 3, 290–291].</p> <p>2. « – Последний раз спрашиваю: будешь плясать?</p> <p>– О, проклятие!.. – застонал Иван. – Да что же это такое-то? Да за что же мне муки такие?</p> <p>– “Камаринскую”! – велел Изящный черт. – “Пошехонские страдания”.</p> <p>Музыканты-черты заиграли “Камаринскую”. И Иван пошел, опустив руки, пошел себе кругом, пошел пристукивать лапоточками. Он плясал и плакал. Плакал и плясал» [Шукшин, 1998б, 3, 299]</p> |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|

Унижение героя посредством пляски налицо в обоих произведениях. У нас нет данных о том, что Шукшин читал роман «Не стреляйте в белых лебедей», хотя трудно поверить, что писатель не был знаком с публикациями популярнейшего журнала 1970-х годов. Говорить, таким образом, теперь уже о влиянии Б. Васильева на В. Шукшина в отсутствие доказательств мы не можем, поэтому констатируем факт типологического сходства. Заметим лишь, что сцены танца в рассказах Шукшина, написанных до сказки («Далекие зимние вечера», «Степка», «Классный водитель», «Гринька Малюгин», «Верую», «Танцующий Шива» и др.), не отождествлялись с унижением персонажа.

Процитированные схожие сценические ситуации позволяют сделать еще одно наблюдение: Иван-дурак, исполняя танец, выступает подневольным человеком, попавшим в хитроумно расставленные сети своих противников. Но то, что он унижен, сознает в полной мере. В эпизоде встречи с Медведем признается последнему о пережитом по вине Змея Горыныча: «И страху натерпелся, и напелся, и наплясался... И уж так-то теперь на душе тяжело, так нехорошо – ложись и помирай. <...> Вот же как он меня исковеркал! Всего изломал. <...> Да и не бил, а... хуже битья. И пел перед ним, и плясал... Тьфу! Лучше бы уж избил. <...> Унизил. Да как унизил!» [Шукшин, 1998б, 3, 292–293].

Полушкин же намеренно выставляет себя на всеобщее осмеяние, «скоморошничает» под известные русские напевы. Понимание происходящей пляски как прилюдного унижения отца открывается сыну героя. Он болезненно реагирует на увиденное, обвиняя во всем чужаков: «Тятка, перестань!.. – сквозь слезы кричал Колька и тащил отца с поляны. – Перестань же!.. <...> Злые вы! – кричал Колька. – Злые, гадкие! Вы нас, как мурашей тех, да? Как мурашей?..» [Васильев, 1994, 36–37].

Дальнейшее повествование о похожем на юродивого героя, наделенном чертами святости, все более превращается в житийный рассказ. Бедоносец Егор (такovým именуется он в романе 24 раза – с осуждением (или насмешкой); чаще всего его так называют жена (7 раз) и свояк Федор Ипатович (8 раз)) постепенно трансформируется в Георгия Победоносца (подробнее об этом см. в публикациях И. Дедкова [Дедков, 1973], В. Карньюшина и М. Медведевой [Карньюшин, Медведева, 2013]). Характеристика Егора «бедоносец» – один из лейт-мотивов романа, сопровождаемый различными эпитетами: «бедоносец чертов» (самое частотное, 8 словоупотреблений), «бедоносец божий» (3 словоупотребления), «бедоносец юродивый», «бедоносец, божий недогляд», «бедоносец несчастный» (по одному словоупотреблению). «Бедоносец чертов» в начале романа трансформируется в «бедоносца божьего» в финале.

В. Карньюшин свидетельствует: «Знаю точно, что роман “Не стреляйте...” построен полностью на его споре с Шукшиным, а точнее, с его “чудиками”. Разница только в подходе: Шукшин стоял на принципе – “добро должно быть с кулаками”, а Васильев на христианских – “подставь и правую”. Это я знаю точно, потому что говорил с ним об этом. Он в свое время очень увлекся Шукшиным, но в какой-то момент решил поспорить – появился роман “Не стреляйте”» [Карньюшин].

Определяя место легенды о Св. Георгии в романе «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, И.В. Романова доказала, что «жизнь главного героя в нем строится по житийному принципу “по имени – житие”»; в прозаической части автор «мыслит своего главного героя ближе к Св. Егорию – врачу-терапевту и землелашцу, охранителю от волков, то есть святому славянских культов», когда «во главу угла ставится не воинская доблесть, а позиция страдательная» [Романова, 1997, 14]. Данную характеристику можно отнести и к произведению «Не стреляйте в белых лебедей». Б. Васильев, как и Б. Пастернак, явил нам «агиографический текст»: героя отличает смирение; перед лицом смерти Полушкин прощает своих убийц («Не знал бы – казнил, – вдруг тихо и внятно сказал Егор. – А знаю – и милую» [Васильев, 1994, 146]). Именно эта сцена вызвала резкое неприятие советских критиков. В. Кардин, в частности, писал: «Кротость, смиренное отпущение грехов создают, конечно, ореол, необходимый вероучителю. Но мотив всепрощения в этом случае чужероден, фальшив. Не только с юридической, но и с моральной точки зрения. Простить браконьеров значит поощрять браконьерство, предавать природу» [Кардин, 1974, 267].

По нашему мнению, произошедшая с героем метаморфоза по превращению героя-чудика в юродивого и святого может быть объяснена воздействием на Б. Васильева рассказа А.И. Солженицына о героине-праведнице «Матренин двор» (1963). (Данный рассказ оказал в целом мощное влияние на писателей-деревенщиков, переориентировав их с социальной проблематики в область нравственную). О своем отношении к А. Солженицыну Васильев сказал в 1994 году: «Я отношусь к нему с огромным уважением <...>

И пишет он ведь только на русскую тему – в этом смысле Солженицын очень русский человек, который Россию унес с собой. Не каждому это удается...» [Изотов, 2024, 164–165].

**Наличие определенных образов-символов.** Поэтика «деревенской прозы» направлена на обретение «глубинных опор духовного существования», «символов Вечного»; ее создатели ищут «те основы, на которых держится духовный мир отдельного человека и народа в целом – понятия Бога, святости, духовного подвига, поклонения, паломничества, служения и т.п.»; эти образы связаны с «мифопоэтической традицией», обретая «плоть в микро- и макрообразах предметного мира» [Лейдерман, 2003, 80–81]. К примеру, для В. Астафьева таким глубочайшим образом становится «река жизни» – Енисей; для В. Распутина – Царский листвель, символ единства природы и человека; для В. Шукшина – Калина красная, олицетворяющая «горькую любовь и преждевременно пролитую кровь».

В ряд таких же символических образов можно поставить и белых лебедей Васильева. В современном исследовании читаем: «“Не стреляйте в белых лебедей!” – говорят или даже кричат нам. Это похоже на призыв и предостережение, на заклинание или завет (убить Лебедя – навлечь страшное несчастье; дети, увидевшие мертвого Лебедя – не выживают...). В названии ощутимо особое, взволнованное отношение автора к материалу жизни, избранному для романа, желание отчетливо выразить смысл книги» [Карнюшин, Медведева, 2013, 12].

Подводя итог сказанному в статье, отметим следующее. Генетическую связь романа Б. Васильева «Не стреляйте в белых лебедей» с отечественной «деревенской» (почвеннической) прозой 1960–1980-х годов (указанными произведениями Шукшина, Распутина и Астафьева) мы считаем очевидной. И связь эта двусторонняя: по-видимому, роман Б. Васильева был не просто прочитан названными авторами, но прочитан творчески, иначе трудно объяснить выявленные в текстах авторов явные схождения и пересечения.

## ЛИТЕРАТУРА

- Большакова А.Ю. Феномен деревенской прозы: Вторая половина XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 49 с.
- Васильев Б.Л. Не стреляйте в белых лебедей: роман. М.: АСТ, 2019. 256 с.
- Васильев Б. Не стреляйте в белых лебедей: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 256 с.
- Васильев Б.Л. Собрание сочинений. В 8 т. Смоленск: Траст-Имаком, Русич, 1994. Т. 2. 496 с.
- Викулов С. Что написано пером... // Наш современник. 1996. № 9. С. 3–27.
- Дедков И. Сказание о Егоре Бедоносце // Литературное обозрение. 1973. № 4. С. 44–47.
- Изотов С. «Свобода требует рамок...» (из интервью газете «Смоленские новости») // Маленькая родина большой страны. Смоленяне о Борисе Васильеве: статьи, воспоминания, материалы / авт.-сост. В.А. Карнюшин. 2-е изд. Смоленск – М.: Свиток, 2024. С. 163–169.
- Кардин В. О лебедях и «лебедушках» // Новый мир. 1974. № 2. С. 264–268.

Карнюшин В.А. Письмо О.А. Новиковой от 12 апреля 2019 г. // Личный архив О.А. Новиковой.

Карнюшин В.А., Медведева М. Перечитывая классику: Житие святого Бедоносца «советского» (христианские мотивы в романе Бориса Васильева «Не стреляйте в белых лебедей» // Этих дней не смолкнет слава: сборник материалов VI международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию войны 1812 года, 70-летию разгрома фашистских войск под Москвой, 70-летию начала Сталинградской битвы (23 марта 2012 года) / под ред. В.А. Карнюшина, Т.Н. Хриптуловой. М.: Образование, 2013. С. 11–27.

Лейдерман Н.Л. Открытия и тупики «деревенской прозы» // Современная русская литература. 1950–1990-е годы: учебное пособие для вузов. В 2 т. М.: Академия, 2003. Т. 2. С. 80–84.

Лесин Е. Ускоренная перемотка времени // Книжное обозрение. 2001. 22 октября. С. 5.

Новожеева И.В. Маргинальный тип личности в деревенской прозе 1970-х годов (по произведениям В.М. Шукшина) // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 219–223.

Романова И.В. Семантическая структура «Стихотворений Юрия Живаго» в контексте романа и лирики Б. Пастернака: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1997. 18 с.

Шукшин В.М. Собрание сочинений. В 6 кн. Книга первая: Охота жить. Рассказы. М.: Надежда-1, 1998а. 512 с.

Шукшин В.М. Собрание сочинений. В 6 кн. Книга третья: Странные люди. М.: Надежда-1, 1998б. 528 с.

**O.A. Novikova**

*PhD in Philology, Associate Professor,  
Chair of Literature and Journalism,  
Smolensk State University  
Smolensk, Russia*

### **Boris Vasilyev's Novel «Don't Shoot the White Swans» in the Context of «Village Prose»**

*This study investigates the typological connections of Boris Vasilyev's novel «Don't Shoot the White Swans» (1973), which occupies a «special» place in the author's oeuvre, with Russian «village prose» of the 1960s–1980s. According to the author of the article, B. Vasilyev, in creating the novel, was influenced by «village prose», recognized as a «unique phenomenon» of Russian literature in the second half of the 20th century. This influence is evident in the novel's similarities to its main features: adherence to the Russian realist tradition, «new» content (spirituality deficit, neo-soil and ecological issues), the predominant theme of bidding farewell to the patriarchal way of life, a characteristic protagonist (B. Vasilyev's Yegor Polushkin is remarkably close to V.M. Shukshin's «eccentric» heroes and can also be compared to the righteous heroine of A.I. Solzhenitsyn's story «Matryona's Home»), and the presence of specific symbolic images (White Swans can be placed alongside well-known mythopoetic images such as the «river of life» Yenisei in V.P. Astafyev's works, the Tsar's Larch by V. Rasputin, and V. Shukshin's «Red Kalina», among others). Considering the release date of «Don't Shoot the White Swans», the author of the article suggests that there might also be a reverse influence of B. Vasilyev on village*

prose writers (Shukshin, Astafyev, Rasputin), whose landmark works «Before Cock-crow», «Tsar Fish», and «The Fire» appeared later and contain clear references to Vasilyev's aforementioned work.

Keywords: Boris Vasilyev; novel «Don't Shoot the White Swans»; «village prose»; typological connections; V. Shukshin; V. Astafyev; V. Rasputin.

## REFERENCES

- Bolshakova A. Yu. The Phenomenon of Village Prose: The Second Half of the 20th Century [Fenomen derevenskoj prozy: Vtoraya polovina XX veka]. *Abstract of the dissertation ... doctor of Philology*. Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, 2002, p. 49 (in Russian).
- Vasilyev B.L. Don't Shoot the White Swans: Novel [Ne strelyajte v belyh lebedej: roman]. Moscow: AST Publishing, 2019. 256 p. (in Russian).
- Vasilyev B. Don't Shoot the White Swans: Novel [Ne strelyajte v belyh lebedej: roman]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2018. 256 p. (in Russian).
- Vasilyev B.L. Collected Works: In 8 Volumes [Sobranie sochinenij. V 8 t.]. Smolensk: TRUST-IMACOM, RUSICH, 1994. Vol. 2. p. 496. (in Russian).
- Vikulov S. Written by the Pen ... [Chto napisano perom ...]. *Our Contemporary*. 1996. No 9. pp. 3–27 (in Russian).
- Dedkov I. The Tale of Yegor the Unfortunate [Skazanie o Eгоре Bedonosce]. *Literary Review*. 1973. No 4. pp. 44–47 (in Russian).
- Izotov S. «Freedom Requires Boundaries ...» (from an interview with the newspaper «Smolensk News») [«Svoboda trebuєt ramok ...» (iz interv'yū gazete «Smolenskije novosti»)]. *Little Homeland of a Great Country. Smolensk Residents about Boris Vasilyev: Articles, Memories, Materials*. Compiled by V.A. Karnyushin. 2nd edition. Smolensk-Moscow: Svitok, 2024. pp. 163–169 (in Russian).
- Kardin V. About Swans and «Swans» [O lebedyah i «lebedushkah»]. *New World*. 1974. No 2. pp. 264–268 (in Russian).
- Karnyushin V.A. Letter to O. A. Novikova dated April 12, 2019 [Pis'mo O.A. Novikovej ot 12 aprelya 2019 g.]. *Personal Archive of O. A. Novikova*. (in Russian).
- Karnyushin V.A., & Medvedeva M. Rereading the Classics: The Life of Saint Unfortunate «Soviet» (Christian Motifs in Boris Vasilyev's Novel "Don't Shoot the White Swans") [Perechityvaya klassiku: ZHitie svyatogo Bedonosca «sovetskogo» (hristianskie motivy v romane Borisa Vasil'eva «Ne strelyajte v belyh lebedej»)]. *The Glory of These Days Will Not Fade: Collection of Materials of the VI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 200th Anniversary of the War of 1812, the 70th Anniversary of the Defeat of the Fascist Troops near Moscow, and the 70th Anniversary of the Beginning of the Battle of Stalingrad*. March 23, 2012. Edited by V.A. Karnyushin, T.N. Khriputlova. Moscow: Education, 2013. pp. 11–27 (in Russian).
- Leiderman N.L. Discoveries and Dead-Ends of «Village Prose» [Otkrytiya i tupiki «derevenskoj prozy»]. *Modern Russian Literature. 1950–1990s: In 2 Volumes: A Textbook for Universities*. Moscow: Academy, 2003. Vol. 2. pp. 80–84 (in Russian).
- Lesin E. Fast Forward in Time [Uskorennaya peremotka vremeni]. *Book Review*. 2001. October 22. p. 5 (in Russian).
- Novojeeva I.V. The Marginal Personality Type in Village Prose of the 1970s (Based on the Works of V. M. Shukshin) [Marginal'nyj tipichnosti v derevenskoj proze 1970-h godov (po proizvedeniyam V.M. SHukshina)]. *Bulletin of Bryansk State University*. 2013. No 2. pp. 219–223 (in Russian).

Romanova I.V. The Semantic Structure of "Yury Zhivago's Poems" in the Context of the Novel and Lyrics of B. Pasternak [Semanticheskaya struktura «Stihotvorenij YUriya Zhivago» v kontekste romana i liriki B. Pasternaka]. *Abstract of the dissertation ... doctor of Philology*. Smolensk, 1997. 18 p. (in Russian).

Shukshin V.M. Collected Works in 6 Books. The first book. The desire to live. Stories [Sobranie sochinenij. V 6 kn. Kniga pervaya: Ohota zhit'. Rasskazy]. Moscow: Publishing House «Nadezhda-1», 1998. 512 p. (in Russian).

Shukshin V.M. Collected Works in 6 Books. Book Three. Strange People [Sobranie sochinenij. V 6 kn. Kniga tret'ya: Strannye lyudi]. Moscow: Publishing House «Nadezhda-1», 1998. 528 p. (in Russian).

**И.С. Скоропанова**

*Белорусский государственный университет  
Минск, Республика Беларусь*

*УДК 821.161.1.09«20»(092)СоколовА.В.*

*DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-31-47*

## **«ТРИПТИХ» САШИ СОКОЛОВА КАК КНИГА РАЗМЫШЛЕНИЙ**

Ключевые слова: *книга стихов; триптих; размышления; судьба человечества; поэтика открытости; «мир-текст»; образ «смотрителя».*

*Предметом изучения в статье является книга стихов Саши Соколова «Триптих», пронизанная размышлениями о прошлом, настоящем, будущем человечества. Цель исследования – охарактеризовать сверхисторическую концепцию автора в произведении, раскрыть особенности ее художественно-эстетического воплощения.*

*Использованные методы – рецептивный, герменевтический, интертекстуальный.*

*Указывается, что составные части книги: «Рассуждение», «Газибо», «Филорнит» – образуют единый метатекст, характеризующийся развитием общей темы: подведения итогов минувшего столетия, осуществляемого в тесном сцеплении с подведением итогов собственной жизни. Акцентируется доминантная роль лирического начала, проявляющаяся и в размышлениях о принципах оценки и подачи социально-исторического материала. Лирический герой наделяется чертами «гражданина мира», думающего о судьбе всего человечества, отвергающего любой тип жесткой идеологичности. Сам процесс мышления воссоздается с использованием поэтики открытости. Отсюда – присущие триптиху бессюжетность, отсутствие четко обозначенного начала и конца, импрессионистичность, прием «потока сознания», организующая роль музыкального кода в I части, кода театра с массой лиц, фигур, суждений, перебивающих друг друга во II, использование нарастающего интертекстуального пласта и кода живописи в части III. Благодаря этому историческое развитие приобретает у Саши Соколова алинейность, что подчеркивает образ «прошло-*